

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

ДЖЕННИФЕР МОРГ

Чарльз Стросс
Дженнифер Морг
Серия «Прачечная», книга 2
Серия «Мастера магического
реализма (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
<https://litres.ru/63994181>
Дженнифер Морг: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-115503-2

Аннотация

<р>Его зовут Говард. Боб Говард. Он – программист и время от времени полевой агент в Прачечной, подразделении Секретной службы Ее Величества по борьбе с оккультными угрозами. На этот раз его отправляют на побережье Карибского моря. Говард должен проникнуть на яхту миллиардера, который хочет поднять подлодку, затонувшую в этом районе много лет назад. На ней когда-то пытались установить контакт с миром мертвых, но вместо этого экипаж привлек к себе внимание зловещей подводной расы, которая и прекратила эксперимент самым радикальным способом. Теперь древние вновь обратили внимание на людей, и Говарду нужно предотвратить глобальный катаклизм. Правда, есть одна проблема: когда в напарниках у

тебя суккуб, а за каждое действие ты несешь личную финансовую ответственность, спасти мир очень непросто.</p>

Содержание

Благодарности	6
Пролог: Дженнифер	7
1: Рамона Рандом	23
2: Улетая в Данвич	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Чарльз Стросс Дженнифер Морг

Charles Stross

THE JENNIFER MORGUE

Copyright © 2006 by Charles Stross

© Ефрем Лихтенштейн, перевод, 2020

© Василий Половцев, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Благодарности

Ни одна книга не пишется в пустоте, и эта – не исключение.

Я бы хотел поблагодарить моих издателей, Марти Гальперна из «Golden Gryphon» и Джинджье Букэнан из «Асе», а также моего агента, Кейтлин Бласделл, – все они помогли этой книге появиться на свет.

Еще я хотел бы поблагодарить сотни своих бета-ридеров – без всякого порядка: Саймона Брэдшоу, Дэна Риттера, Николаса Уайта, Элизабет Бир, Брукса Мозеса, Майка Скотта, Джека Фойя, Луну Блэк, Гарри Пейна, Андреса Блэка, Маркуса Роуланда, Кена Маклауда, Питера Холло, Эндрю Уилсона, Стефана Пирсона, Гэвина Инглиса, Джейка Дейтона, Джона Скальци, Энтони Квирка, Джейн Макки, Ханну Райа-ниemi, Эндрю Фергюсона, Мартина Пейджа, Роберта Снеддона и Стива Стерлинга.

Также я хочу сказать спасибо Хью Хэнкоку, который благородно помог мне продраťся через канон Бондианы.

Пролог: Дженнифер

25 августа 1975 года, координаты 165°W, 30°N.

Ребята из группы А и группы Б уже пять недель сидят на попе ровно посреди океана. И не только они: еще вся команда от капитана до последнего помощника кока и агенты из ЦРУ. Но остальным хоть иногда находилось какое-то дело.

Команде нужно заниматься судном – нечестивым неповоротливым чудищем: 66 000 тонн разведывательного корабля для добычи полезных ископаемых в глубоководных районах, на постройку которого ушли четыреста миллионов долларов и семь лет. Ребята из ЦРУ подозрительно косятся на русский траулер, который болтается где-то на горизонте. А техасские бурильщики уже несколько дней не покладая рук трудятся на гидростабилизированной платформе, складывая одну за другой шестифутовые стальные трубы в бурильную штангу и спуская ее в глубины Тихого океана.

Но вот группам А и Б несколько недель было совершенно нечем заняться – разве что смазывать и проверять огромную махину, которая покачивалась в шахте посреди корабля, а потом нервно бить баклуши, пока бур спускал ее в непроглядную тьму.

А теперь, когда «Клементина» почти достигла цели, приближается шторм.

– Хреновая погода, – ворчит Милгрэм.

– За выражениями следи, – бросает педант Дюк. – Ничего страшного...

Милгрэм расправляет бумагу – последнюю сводку из метеоцентра на палубе С, где Стэн и Гилмер склонились над зелеными экранами радаров и телексом из Сан-Диего.

– По прогнозам, в ближайшие сорок восемь часов будет девять баллов. Вероятность – от шестидесяти и выше. Это слишком, Дюк. Колеса не удержат нас на месте и при шести. Потеряем штангу.

Юнец по имени Стив подходит ближе:

– В Шпик-Сити уже сообщили?

Ребята из Лэнгли засели в трейлере на палубе Е за герметичным люком. Все ее теперь называют Шпик-Сити.

– Не-а, – беспечно качает головой Дюк. – Во-первых, ничего еще не произошло. Во-вторых, мы всего в сорока футах от точки ноль.

Он щелкает пальцами в сторону нескольких любопытных голов, которые повернулись в его сторону от экранов камер:

– Давайте, парни! За работу!

«Клементина» – гигантский, более 200 футов в длину, захват на конце бурильной штанги – весит около 3000 тонн. Громоздкий подъемник выкрашен в серый: это помогает противостоять коррозии. По бокам торчит по пять стальных ножек, и это делает его издали похожим на скелет омара. Или скорее на гигантский капкан, который медленно опускается в глубину рундука Дейви Джонса, чтобы схватить и поднять

нечто со дна моря.

Дюк царствует в инженерном отсеке, сидя на своем троне в центре помещения. Одна стена завешана инструментами, с другой стороны – иллюминаторы с видом на шахту в центре корабля. Через дверь в этой стене можно выйти на металлический мостик в пятидесяти футах над шахтой.

Здесь, в инженерном отсеке, шум гидравлических стабилизаторов не такой оглушительный: просто механический скрежет и дрожь, которую все чувствуют через подошвы ботинок, зато убийственный грохот приглушен до терпимого уровня. Буровая вышка у них над головой спускает бесконечную череду труб в центр шахты со скоростью шесть футов в минуту – день за днем. Стив пытается не смотреть в иллюминатор на трубы, потому что этот процесс оказывает гипнотический эффект: они уже много часов мерно уходят в воду, спуская захват к самому дну океана.

Судно намного больше, чем захват, который болтается под ним на конце пятикилометровой стальной трубы, но во всем зависит от него. Эта труба – громадный маятник, и пока захват медленно опускается среди глубоководных течений, кораблю приходится отчаянно маневрировать, чтобы оставаться над ним. Высокие купола на мостике впитывают данные с флотских спутников и передают их автоматической системе стабилизации, которая управляет кормовыми и носовыми двигателями и цилиндрическими компенсаторами, на которых держится подъемник. На поверхности корабль ка-

жется спокойным, будто лебедь, но под водой неистово борется с течениями.

Всё: вложенные четыреста миллионов, десять лет секретных операций Компании – зависит от того, что произойдет в ближайшие несколько часов. Когда захват достигнет дна.

Стив снова поворачивается к экрану. Очередное чудо техники: база захвата оснащена камерами и прожекторами, вакуумными трубками, способными работать в бездонных глубинах. Но его камера сбоит, по экрану волнами пробегают помехи: давление, многие тонны на квадратный дюйм, ломает водонепроницаемые кабели, по которым идут питание и сигнал.

– Вот дерьмо, – ворчит он. – Так мы ее никогда не увидим, если только...

Он замолкает. Из-за соседнего стола поднимается Норм и указывает на что-то на своем экране. На другом конце комнаты раздаются возбужденные возгласы. Стив щурится, глядя на свой экран, и среди помех видит прямоугольную тень.

– Матерь Божья...

Под потолком трещит громкоговоритель:

– Команде «Клементины»: К-129 на экранах два и пять, расстояние примерно пятьдесят футов, направление два-два-пять. Полная готовность, точная подстройка двигателей.

Свершилось – они нашли то, что искали.

В Шпик-Сити атмосфера напряженная, но триумфальная.

– Есть! – объявляет Купер и самодовольно ухмыляется остроносому бритту, который сидит в своем мятом костюме и курит «Кэмел» без фильтра, чем открыто нарушает корабельные правила пожарной безопасности. – Мы это сделали!

– Поживем – увидим, – бормочет бритт, тушит сигарету и качает головой. – Добраться до места – это только полдела.

Мерф обиженно косится на него:

– Ты чего?

– Вы взялись за объект, который находится глубже тысячи метров, что является грубым нарушением четвертой статьи, – сообщает бритт. – Я нахожусь здесь как нейтральный наблюдатель в соответствии с частью второй...

– Да в задницу тебя с твоим нейтралитетом, тебе просто завидно, потому что вашим парням не хватило духу отстоять свои права...

Купер становится между ними, прежде чем опять вспыхнет ссора:

– Успокойтесь. Мерф, свяжись с мостиком, нужно проверить, не заинтересовались ли нами коммуняки. Они заметят, что мы перестали опускать штангу. Джеймс...

Он замолкает. Морщится. Кличка бритта совершенно прозрачна, а для агента ЦРУ даже оскорбительна. Купер в который раз думает: «Зачем он так назвался?»

– Давай-ка прогуляемся к шахте и посмотрим, что они нашли.

– Хорошо, – говорит бритт и встает, разгибается, как про-

волоочный жук, в своем неладно скроенном сером костюме; щека у него подергивается, но выражение лица ледяное. — После вас.

Они выходят из отсека, и Купер закрывает дверь. Судно «Гломар Эксплорер» огромное — больше ударного авианосца, больше даже линкора класса «Айова», — но трапы и переходы здесь представляют собой тесный серый лабиринт, увитый разноцветными трубами и патрубками, удачно расположенными точно на такой высоте, чтобы было удобно биться головой и лодыжками. Качки нет, но корабль слегка дрожит, поскольку его удерживают на месте двигатели SKS (новая технология, на нее ушла значительная часть денег, потраченных на постройку судна).

Они спускаются на шесть пролетов, проходят по другому коридору и минуют переборку, а потом Купер видит люк, ведущий в шахту на уровне пятидесятифутовых мостков. И, как обычно, у него перехватывает дыхание. Шахта внутри корабля около 200 футов в длину и 75 в ширину, внизу — спокойная черная вода в окружении лесов и кранов подъемника. Гигантские стыковочные стойки полностью вытянуты под водой по обе стороны колодца. Штанга пронзает сердце шахты как черное стальное копьё, направленное ко дну океана. Автоматический трубный ключ и система управления штангой замолкли: захват достиг цели. Скоро, если все пойдет хорошо, подъемник начнет вытягивать штангу, старательно разбирая сотни труб и складывая их на палубу ко-

рабля, пока наконец «Клементина» – известная также как подводная бурильная установка ГБД-1 – не вынырнет из холодных вод, крепко сжимая найденное сокровище. Но пока что в шахте царит мир и покой, а поверхность воды портят только маслянистые пятна.

Инженерный отсек, наоборот, гудит точно улей, так что никто не замечает, как Купер и британский шпион входят и глядят на экран через плечо главного оператора.

– Десять влево, шесть вверх, – говорит кто-то.

– Похоже на люк, – замечает другой.

На экране плывут странные серые тени.

– Свет направьте сюда...

Все на миг замолкают.

– Плохо дело, – говорит один из инженеров, жилистый парень из Нью-Мексико, которого, как кажется Куперу, зовут Норм. На большом центральном экране видна плоскость, выступающая из серой трясины донных наслоений. В ней чернеет прямоугольный провал, а из цилиндра, который лежит поперек него, торчит что-то белое. Цилиндр похож на рукав. Вдруг Купер понимает, что видит: открытый люк в обшивке подводной лодки, из которого наполовину высунулся скелет мертвого матроса.

– Видно, бедолаги попытались уйти вплавь, когда поняли, что торпедный отсек затопило, – говорит голос из глубины комнаты.

Купер оглядывается. Это Дейвис, который даже в граж-

данском все равно умудряется выглядеть как морской офицер.

– Наверное, это и спасло корпус: выходной люк уже был открыт; когда лодка опустилась ниже расчетной глубины, она была полностью затоплена.

Глядя на экран, Купер ежится. «Почти Флеба», – думает он и пытается выудить из памяти остальные стихотворные строчки.

– А что с ударными повреждениями? – деловито спрашивает Дюк. – Мне нужно понять, получится у нас что-то или нет.

Снова суета. Камера резко поворачивается, чтобы показать всю длину субмарины проекта 629А. Вода на такой глубине очень чистая, и прожектора безжалостно выхватывают обломки – от распахнутого люка в башне до громадной прорехи в корпусе со стороны торпедного отсека. Подлодка лежит на боку, будто отдыхает, и непривычный глаз Купера не видит в ней особых повреждений. Перед башней темнеет открытый люк побольше.

– А это что? – спрашивает он, указывая пальцем.

– Похоже, вторая пусковая шахта открыта, – отвечает Стив.

Лодки проекта 629А стратегические, они оснащены баллистическими ракетами, но это ранняя модель, дизель-электрическая. Она несла только три ядерные ракеты, а перед запуском ей нужно было всплыть.

– Надеюсь, она не вертелась, пока шла на дно: если птичка вывалилась, она могла приземлиться где угодно.

– Где угодно... – повторяет Купер и моргает.

– Ладно, давайте ее прихватим! – приказывает Дюк, который, видимо, пришел к собственным выводам в отношении находки. – Приближается шторм, давайте ее поднимать!

На следующие полчаса отсек превращается в сумасшедший дом: инженеры и операторы склоняются над своими панелями и бубнят что-то в микрофоны. Никто из них такого прежде не делал – то есть не выводил захват весом в три тысячи тонн на позицию над затопленной подлодкой на глубине трех миль под угрозой приближающегося шторма. Моряки на советском шпионском траулере на горизонте, кажется, сумели убедить своих кураторов в Москве, что они опять перепились антифриза, рассказывая про диковинные капиталистические устройства, которые пытаются украсть затопленную красную подлодку.

Напряжение в отсеке растет. Купер смотрит через плечо Стиву, а парень отчаянно крутит ручку управления, волшебным образом удерживая в пределах обзора камер огромный механический захват, чтобы операторы смогли расположить его клешни рядом с корпусом. Наконец – пора.

– Готовность спустить пресс-цилиндры, – объявляет Дюк.

– Спускаем.

Десять баллонов на захвате выпускают серебристые потоки пузырьков: поршни входят в пазы под давлением стол-

ба воды высотой в три мили, так что клешни плотно обхватывают корпус подлодки. Они взрывают придонные отложения, и на некоторое время экраны застилает сероватое облако. Стрелки приборов медленно вращаются, показывая положение клешней.

– На четных два-шесть и нечетных один-семь полный порядок. Частично на девятой и восьмой, ничего на десятой.

Воздух звенит от напряжения. Семь зажимов обхватили корпус подлодки на совесть, еще два, кажется, вот-вот выпустят добычу. Последний, судя по всему, не сработал. Дюк смотрит на Купера:

– Ваше слово.

– Сможете ее поднять? – спрашивает Купер.

– Думаю, да, – сосредоточенно отвечает Дюк. – Посмотрим, когда вытащим ее из грязи.

– Давай сходим наверх, – предлагает Купер, и Дюк кивает.

Капитан может сказать да или нет, и его слово – последнее. Это его корабль пострадает в случае неправильного решения. Через пять минут они получают ответ.

– Поднимайте, – говорит капитан не терпящим возражений тоном. – Мы здесь именно за этим.

Он поднялся на мостик из-за приближающегося шторма и близости других кораблей – на горизонте только что возник второй русский траулер, но решимости его это не поколебало.

– Ладно, за работу.

Через пять минут легкая дрожь покрывает рябью поверхность воды на дне колодца. «Клементина» сбросила балласт, раскидав по дну океана около подводной лодки тысячи тонн свинца. На камерах виден только серый морок. Затем за иллюминатором инженерного отсека приходит в движение подъемник, а буровая штанга медленно движется вверх.

– Двигатели на полный! – ревет Дюк.

Штанга поднимается из ледяных глубин все быстрее и быстрее, с нее потоком стекает вода.

– Что на тензометрах?

Данные с измерителей на огромных клешнях высвечиваются на панели зелеными цифрами: каждая клешня держит около 500 тонн подлодки, не считая воды в ней. Снаружи слышен громкий механический визг, потом пол поддается под ногами, и приходит вибрация, которую Купер чувствует через подошвы своих оксфордов, – буровая команда запустила машины на полную, поскольку вес захвата вырос. Судно, которое в один миг получило дополнительно тысячи тонн груза, уходит глубже в воды Тихого океана.

– Теперь доволен? – спрашивает Купер, оборачиваясь, чтобы ухмыльнуться бритту, который, будто чего-то ожидая, пристально смотрит на один из экранов. – Да?

– Еще немного времени у нас есть, – говорит остроносый англичанин.

– Немного времени...

– Пока мы не узнаем, получилось у вас или нет.

– Ты обкурился, мужик? Ясное дело, что все у нас получилось!

С верхней палубы материализовался, как бостонский призрак ирландца, Мерф, который теперь решил сорваться на бритта (а тот как раз настолько похож на выпускника английской частной школы, что просто просится в жертвы Кровавого воскресенья, не говоря уж о том, что от него на милую разит госслужбой).

– Смотрите! Подлодка! Подводный захват! Поднимается со скоростью шесть футов в минуту! И после рекламной паузы в одиннадцать смотрите фильм! – издевательским тоном цедит Мерф. – Что комми могут сделать, чтобы нас остановить? Начать Третью мировую? Да они даже не знают, что мы тут делаем, – они место, где их лодка затонула, знают с точностью плюс-минус двести миль!

– Меня беспокоят не коммунисты, – говорит бритт и косятся на Купера. – А вас?..

– Я думаю, – неуверенно качает головой тот, – у нас все получится. Подлодка цела, повреждений нет, а у нас...

– Вот черт, – говорит Стив.

Он указывает на изображение с центральной камеры в навигационном блоке захвата, направленной на серо-коричневое дно, укрытое теперь неторопливыми клубами марева, которое подняли за собой подводная лодка и сброшенный балласт. Оно бы уже должно медленно оседать обратно на подводные дюны. Но в глубине что-то движется, с неесте-

ственной скоростью извивается в воде. Купер смотрит на экран.

– Что за...

– Позвольте напомнить вам четвертую статью договора, – говорит бритт. – Запрещается под угрозой уничтожения сооружение любых конструкций постоянного или временного свойства на глубине ниже километра относительно уровня моря. Запрещается перемещать любые конструкции с глубоководной равнины – под той же угрозой. Мы нарушаем: по закону они имеют право делать все, что пожелают.

– Но мы же только забираем мусор...

– Вероятно, им так не кажется.

Тонкие ростки, чуть более темные, чем серый фон, поднимаются из мутной мглы неподалеку от места, где лежала К-129. Они покачиваются и дрожат, как гигантские ламинарии, но они куда толще водорослей – и целеустремленнее. Будто слепой слон ощупывает коробку хоботом. Есть что-то жуткое в том, как они выпрыскиваются из отверстий на дне, поднимаются рывками, словно они в большей степени жидкость, чем твердое вещество.

– Дьявол, – шепчет Купер и бьет правым кулаком в раскрытую левую ладонь. – Дьявол!

– Следи за выражениями, – включается Дюк. – Барри, как быстро мы можем ее поднимать? Стив, попробуй навестись на эти штуки. Я хочу замерить их скорость.

Барри энергично мотает головой:

– Из подъемника больше не выжать, босс. Снаружи уже четыре балла, а у нас слишком большой вес. Можем довести, наверное, до десяти футов в минуту, но, если жать дальше, можем разорвать штангу и потерять «Клементину».

Купер вздрагивает. Захват все равно всплывет, даже если порвется штанга, но вынести его может куда угодно. Например, прямо под киль судна, которое не предназначено к тому, чтобы его таранили снизу три тысячи тонн железа, которые мчатся из глубин со скоростью в двадцать узлов.

– Так рисковать нельзя, – решает Дюк. – Продолжай поднимать с текущей скоростью.

Следующий час они молча наблюдают, как захват поднимается со дна, продолжая сжимать бесценный краденый груз.

Слепые ростки тянутся из глубин – прямо к линзе нижней камеры, через которую на них с тревогой смотрят инженеры и шпионы. Захват уже поднялся на четыреста футов над океанским дном, но вместо плоской серой равнины внизу возник зловещий лес цепких щупалец. Они быстро вытягиваются, тянутся к украденной подлодке.

– Стабилизацию, – приказывает Дюк. – Дьявол! Я сказал, держать стабилизацию!

Весь корабль дрожит, вибрация в палубе такая, что зубы стучат, перегруженный металл уже не скрипит, а визжит. В инженерном отсеке стоит острый запах горячей смазки. На платформе с цепных барабанов сыплются сорванные голов-

ки болтов, а шестидесятифутовые трубы уже просто летят в кучу, вместо того чтобы аккуратно укладываться, – это явный признак отчаяния, потому что они изготовлены из специального сплава и стоят по шестьдесят тысяч долларов за штуку. Штангу вытягивают почти вдвое быстрее, чем опускали, вода в шахте пенится и бурлит от потоков, которые льются с холодных труб. Но никто сейчас не может сказать, успеют ли они вытащить захват на поверхность прежде, чем его нагонят серые щупальца.

– Четвертая статья, – сухо говорит бритт.

– Сука, – шипит Купер, не сводя глаз с экрана. – Она наша!

– Они, кажется, не согласны. Хотите с ними поспорить?

– Бросить парочку глубинных бомб... – бормочет Купер, тоскливо глядя на буровую штангу.

– Они тебя отымеют, сынок, – резко перебивает англичанин. – Не ты первый об этом подумал. Там в иле столько газового гидрата метана, что хватит на прадедушку всех пузырей, который пойдет точно нам под киль и затянет на дно, как мошку в рот жабе.

– Я знаю, – мотает головой Купер.

Столько труда! Это возмутительно, унижительно, невыносимо – будто видишь, как запускаемая на Луну ракета взрывается прямо на старте.

– Но... Сукины дети. – Он снова бьет себя по ладони. – Она должна быть нашей!

– Мы уже взаимодействовали с ними в прошлом, пока все не пошло коту под хвост. На Ведьминой Яме, в договорной зоне в Данвиче. Вы могли нас спросить. – Британский агент складывает руки на груди. – Могли спросить хоть у своего разведуправления ВМС. Но нет. Вам же нужно было проявить инициативу и смекалку!

– Твою мать. Вы бы нам сказали даже не пробовать. А так...

– А так вы учитесь на своих ошибках.

– Твою мать.

Захвату оставалось три тысячи футов до поверхности, когда щупальца наконец его нагнали.

Остальное, как говорится, удел истории.

1: Рамона Рандом

Если достаточно долго работаешь в Прачечной, в конце концов привыкаешь к мелким унижениям, проверкам перерасхода скрепок, омерзительному кофе в столовой и бесконечной, неизбежной бюрократии. Твое эстетическое чувство отмирает, и ты уже не замечаешь потрескавшейся салатовой краски и тошнотворно-бежевых перегородок между офисными кабинками. Но вот великие унижения всегда приходят внезапно, они-то и могут тебя погубить.

Я уже почти пять лет работаю в Прачечной и временами погружаюсь в умудренный цинизм, «плавали, знаем» – обычно именно в эти моменты на меня бросают что-то унижительное, постыдное или опасное. И хорошо, если не все три пункта сразу.

– Вы мне предлагаете ехать... на этом?! – взвизгиваю я, обращаясь к женщине за столом в конторе по прокату автомобилей.

– Сэр, эта квитанция выдана вашим работодателем, в ней указано...

Она брюнетка: высокая, худая, вежливая и очень немецкая, как школьная училка, так что сразу хочется проверить, вдруг у тебя ширинка расстегнута.

– Вот – Смарт Форту. С... с компрессором. Очень хорошая машина. Если хотите, можно заменить с доплатой.

Заменить. На «Мерседес SI90», за... всего-то двести евро в день. Просто обалденно – если бы только не за мой счет.

– Как отсюда доехать до Дармштадта? – спрашиваю я, пытаюсь как-то спасти положение.

(Чертов отдел логистики. Чертовы бюджетные авиарейсы, которые никогда не летят туда, куда тебе нужно. Чертова погода. Чертово совещание в Германии. Чертова «экономия бюджетных средств».) Женщина снова пугает меня идеальной работой своего дантиста:

– Я бы поехала на поезде «Интерсити». Но ваша квитанция возврату не подлежит, – говорит она и вежливо указывает на бумажку: – А теперь, пожалуйста, посмотрите в камеру, нужно пройти биометрическую регистрацию.

Через пятнадцать минут я уже скорчился за рулем двухместной машинки такого размера, что ее, наверное, можно было бы засунуть сюрпризом в пакет кукурузных хлопьев. Смарт – невероятно очаровательная и юркая малютка, выдает примерно семьдесят миль на галлон бензина и потому является идеальным вариантом, чтобы шнырять по городу. Только я не собираюсь шнырять по городу. Я еду по автобану со скоростью около ста пятидесяти километров в час, а в спину мне какой-то шутник стреляет из пушки «мерседесами» и «порше». А я сижу за рулем разогнанной детской коляски. Я даже включил противотуманки в надежде, что это убедит других водителей не превращать меня в украшение на капоте, но реактивная струя от каждой обгоняющей меня

менеджерской колесницы того и гляди сбросит нас со смартфоном в кювет. И это все без учета сербских дальнобойщиков, ошалевших от счастья ехать по дороге, которую не разбомбили, а потом не починили по самой дешевой цене.

Когда я не сжимаюсь в комок от холодного ужаса, я тихо ругаюсь себе под нос. Это все Энглтон виноват! Это он меня послал на это дурацкое заседание объединенного комитета, так что с него и спрос. Следом за его гипотетической и явно мифологической родней до седьмого колена я витиевато проклиная дурацкую погоду, дурацкий учебный график Мо и все остальное, что мне приходит в голову. Это позволяет чем-то занять тот клочок мозга, который не волнует сейчас непосредственно обеспечение моего выживания, – всего лишь крохотный клочок, потому что, когда тебе приходится ехать на смарте по трассе, где скорость всех остальных проще описать числом Маха, приходится быть очень внимательным.

Спустя примерно две трети пути до Дармштадта движение становится потише, и я позволяю себе с облегчением вздохнуть. Это ошибка: передышка короткая. Вот я еду по вроде бы пустой дороге, покачиваюсь из стороны в сторону на городской подвеске смарта, а у меня под ягодицами надывается моторчик размером с фен – а вот вдруг вся приборная панель у меня сверкает, как фотовспышка.

Я дергаюсь так, что чуть не пробиваю головой тонкую пластиковую крышу. Сзади распахнулись очи Преисподней –

два прожектора, ослепительных, будто посадочные огни заблудившегося Боинга-747. Кто бы ни сидел за рулем, он явно вдавил тормоз так, что колодки наверняка дымятся. Я слышу рев, а потом плоский спортивный «ауди» вихляет и пролетает мимо так близко, что чуть не задевает меня боком. Блондинка за рулем гневно машет мне рукой. По крайней мере мне кажется, что это блондинка. Уверенности нет, потому что все вокруг серое, сердце у меня норовит выскочить из груди, а сам я отчаянно цепляюсь за руль, чтобы мой пластиковый скейт не перевернулся. Миг спустя она уже скрылась впереди, вернувшись на правую полосу передо мной и врубив форсаж. Клянусь, я вижу, как алые искры летят из двух могучих выхлопных труб, прежде чем она растворяется вдали, захватив с собой примерно десять лет моей жизни.

– Сучка тупая! – ору я и так сильно стучу по рулю, что смарт начинает тревожно заносить, и я в ужасе сбрасываю скорость до 140. – Тупая овца на «ауди», мозги твои вафельные...

Я замечаю знак «ДАРМШТАДТ – 20 КМ», как раз когда что-то – наверное, «Старфайтер» на бреющем полете – обходит меня слева. Через десять бесконечно долгих минут я уже зажат между двух здоровых фур на окружной дороге Дармштадта, сижу задницей в луже холодного пота, а волосы у меня стоят дыбом. В следующий раз сяду на поезд, и к черту логику.

Дармштадт – один из тех немецких городов, которые срав-

няла с землей авиация союзников, перекроила Красная армия, а потом отстроили по плану Маршалла американцы. Он прекрасно демонстрирует, что а) иногда выгодней проиграть войну, чем выиграть, и б) некоторые из худших преступлений против человечности совершают молодые архитекторы. В наши дни то, что осталось от строгих бетонных конструкций пятидесятых, покрылось мхом и патиной, а худшие крайности необрутализма шестидесятых – стеклом и ярко раскрашенной сталью, которые самым чудовищным образом не сочетаются со старым рейнским пряником.

Это мог бы быть любой безликий город в ЕС, чуть более новый и менее ветхий, чем его ровесник из США, но выглядит он почему-то робким и стеснительным. Скрыжки из конторы все-таки раскошелились на встроенный навигатор (роскошь, конечно, но лучше так, чем позволить мне жечь казенный бензин и заблудиться), так что, ускользнув с Дороги Смерти, я еду на автопилоте, потный и обмякший от животного облегчения – я выжил! я живой! А потом я оказываюсь уже на отельной парковке между «тойотой» и ярко-красной «Ауди ТТ».

– Твою ж мать.

Я снова луплю ладонями по рулю, скорее от гнева, чем от ужаса, поскольку именно сейчас скоропостижная смерть мне не грозит.

Я присматриваюсь: да, та же модель, тот же цвет.

Уверенности, конечно, нет (ведьма летела так быстро, что

доплеровское смещение помешало мне заметить номера), но нутром чую – это она: мир тесен. Я качаю головой и выполняю из смарта, достаю багаж и тащусь к стойке администратора.

Если видел один международный отель – видел их все. Романтика путешествий быстро выветривается после того, как впервые застреваешь в аэропорту с полным чемоданом грязного белья через два часа после отправления последнего поезда в город.

То же касается и роскошных бизнес-отелей на четвертой командировке в месяц. Я регистрируюсь так быстро и безболезненно, как только возможно (в этом мне помогает еще одна из жутковато услужливых немецких девушек, только эта чуть хуже говорит по-английски), и взлетаю на шестой этаж отеля «Рамада». Потом блуждаю в бесконечном, вызывающем легкую клаустрофобию лабиринте коридоров, пока не нахожу свой номер.

Я бросаю на пол сумку, вытаскиваю туалетные принадлежности и сменную одежду, а затем ныряю в ванную, чтобы смыть с себя зловоние ужаса. В зеркале отражение подмигивает мне и указывает на новые седые волосы, пока я не запугиваю его тюбиком зубной пасты.

Мне всего двадцать восемь: слишком молод, чтобы умирать, и слишком стар, чтобы гонять по трассе.

Во всем виноват Энглтон. Это он меня завел на эту дорогу ровно через два дня после того, как комиссия одобрила мое

повышение до старшего офицера – это, в общем-то, самый нижний чин, которому доверяют хоть какие-то организационные задачи.

– Боб, – сказал он, припечатав меня своей ужасной покровительственной улыбкой, – я думаю, тебе нужно чаще выбираться из офиса. Пора увидеть мир, свыкнуться с менее оккультными аспектами нашего дела и все такое. Можешь для начала подменить Энди Ньюстрона на нескольких низкоприоритетных международных совещаниях. Что скажешь?

– С удовольствием! – радостно согласился я. – Какие будут указания?

Ну, то есть, по сути, винить мне нужно себя самого, но Энглтона как-то проще – ему очень трудно сказать нет, к тому же он отсюда в восьми сотнях миль. Легче винить его, чем самому себе отвесить пинок под зад.

В спальне я вытаскиваю свой планшет из багажа и включаю его. Настраиваю широкополосное соединение, пробираюсь через унылый сайт платной регистрации, а потом поднимаю VPN, чтобы связаться с конторой. Затем скачиваю активную магическую защиту и запускаю ее как скринсейвер. Она похожа на диковинный геометрический узор, который без конца переливается всей цветовой гаммой, пока не превращается в выжигающую сетчатку стереоизограмму, на которую вполне можно бросить взгляд, но если незванный гость будет смотреть на нее слишком долго, она выжжет ему моз-

ги. Перед уходом я набрасываю на экран пару потных трусов, а то вдруг придет кто-то из обслуживания номеров. Клеить волосы к дверному косяку, чтобы проверить, не приходили ли к тебе чужие, уже не модно.

У стойки администратора я интересуюсь, нет ли для меня сообщений.

– Письмо для герра Говарда? Пожалуйста, распишитесь здесь.

В углу я замечаю неизбежный ларек Старбакса и тащусь туда, разглядывая на ходу конверт. Он сделан из дорогой кремовой бумаги, толстой и тяжелой, и, присмотревшись, я замечаю в ней тоненькие золотистые нити. Мое имя, правда, напечатано на лазерном принтере курсивом, и это немного портит эффект. Вскрываю конверт своим швейцарским кибер-инструментом, пока переутомленный турок за стойкой занимается моим заказом. Карточка внутри тоже тяжелая, но текст написан уже от руки:

Боб, встречаемся в баре «Лагуна» в шесть вечера или как только ты приедешь, если это будет позже.

Рамона.

– Хм-м, – ворчу я.

Что за черт? Я приехал, чтобы принять участие в ежемесячном заседании совместного комитета с другими спецслужбами ЕС. Оно проводится в рамках Объединенной межправительственной инфраструктуры по борьбе с космологическими вторжениями ЕС, которая, в свою очередь, работа-

ет в соответствии с положениями о совместной обороне, изложенными во втором договоре в Ницце. (Вы ничего не слышали об этом евродоговоре, потому что это секретная конвенция: никто из подписавших ее стран не хочет поднимать глобальную панику.) Несмотря на секретность, мероприятие это довольно скучное: мы съезжаемся сюда, чтобы обмениваться служебными слухами и новостями, рассказывать друг другу о процедурных изменениях документооборота, через которые нам всем предстоит продираться, чтобы добыть полезную информацию из наших бюрократов, и всячески расшаркиваться друг с другом. Всего десять лет осталось до положения Омега (согласно документам под кодом ЗЕЛЕНый КОШМАР, это период максимальной опасности, когда звезды встанут правильно) – вся Европа тщательно смазывает колесики и шестеренки машины оккультной обороны. Никто ведь не хочет, чтобы соседей одолела орда безумных зеленых мозгоедов: от этого сильно падают цены на недвижимость. После собрания я должен привезти домой протоколы и сообщить сводку Энглтону, Борису, Резерфорду и всему остальному начальству, а потом переслать протоколы в другие отделы. Так проходит слава шпиона.

В общем, я ожидал получить повестку дня и указания, где именно пройдет встреча, а не приглашение в бар от какой-то загадочной Рамоны. Роюсь в памяти: может, я кого-то знаю с таким именем? Или это было в какой-то песне?.. Нет, это Джоуи Рамон. Я складываю конверт пополам и кладу в зад-

ний карман. Не имя, а какой-то псевдоним порноспамера.

Я вырываюсь из неторопливой очереди за кофе как раз вовремя, чтобы отвлечь от работы усатого бариста. Где тут вообще бар «Лагуна»? В атриуме перед стойкой администратора обнаруживается несколько темных, разделенных стеклянными перегородками зон. Обычные отельные кафешки, безмерно дорогие рестораны и круглосуточные лавочки, где можно купить все, что ты забыл положить в чемодан вчера в четыре утра. Я брожу там, пока не замечаю слово «Лагуна», выписанное золотым готическим шрифтом над одним из темных дверных проходов – наверняка это все для того, чтобы запутать гостей.

Я заглядываю внутрь. Это бар с дорогим оформлением в духе ретро семидесятых: куча итальянского мрамора и баухаусной хромированной мебели. Сейчас там почти нет посетителей (хотя, может, не во времени дело, а в том, что они дерут по шесть евро за пиво). Смотрю на телефон: 18:15. Черт. Подхожу к стойке и оглядываюсь в надежде, что назначившая мне встречу особа не забыла прихватить картонку с надписью «Я РАМОНА. ИДИ КО МНЕ».

Вот такая шпионская секретность.

– Ein Weissbier, bitte,¹ – говорю я бармену, используя примерно 60 % своего немецкого словарного запаса.

– Запросто, приятель, – отвечает он и поворачивается за бутылкой.

¹ Пшеничное пиво, пожалуйста (нем.) – прим. пер.

– Я Рамона, – тихо шепчет мне в левое ухо женский голос с легким акцентом американского Восточного побережья. – Не оборачивайся.

Что-то твердое упирается мне в ребра.

– Это у тебя антенна мобильного или ты настолько не рада меня видеть?

Это наверняка мобильник, но я исполняю приказ: в такой ситуации рисковать не стоит.

– Заткнись, умник.

Тонкая рука незаметно протискивается мне под мышку и ощупывает грудь. Бармен как-то слишком долго ищет нужную бутылку.

– А это что за хрень?

– Наплечную кобуру нашла? Осторожно, там лежит мой приемник GPS. А в этом кармане шумоизолирующие наушники для айпода – осторожно, они дорогие! – и запасные аккумуляторы для наладонника, а еще...

Рамона оставляет в покое мою разгрузку, и через секунду твердый предмет, который упирался мне в спину, исчезает. Бармен радостно разворачивается с диковинным стаканом в одной руке и бутылкой с культурно-стереотипной наклейкой в другой.

– Приятель, это сойдет? Это отличный «Weizenbock»...

– Боб! – чирикает Рамона, обходя меня так, что я наконец ее вижу. – Мне джин-тоник, со льдом, но без лимона, – добавляет она бармену с улыбкой, похожей на рассвет в швей-

царских Альпах.

Я кошусь на нее и теряю дар речи.

Добро пожаловать в мир супермоделей – или, может, она дублер Умы Турман? Рамона почти на пять сантиметров выше меня, блондинка с такими скулами, за которые Мо задушила бы кого угодно.

И во всем остальном тоже хороша. У нее такая фигура, о какой мечтают фотомодели, – если, конечно, она сама не подрабатывает моделью, когда не тыкает пистолетами в спину госслужащим, – а шелковое вечернее платье наверняка стоит больше, чем я зарабатываю за год, и это без учета сверкающих украшений. Настоящее физическое совершенство – не то, что часто удастся лично увидеть парню вроде меня: едва успеваешь восхититься – и бежишь со всех ног, прежде чем красота загипнотизирует тебя, как змея, которая смотрит в глаза какой-нибудь зверушке – мелкой, пушистой и съедобной.

Красивая, но смертельно опасная: сейчас ее тонкая рука скрывается в черной сумочке, и, судя по легкому напряжению в уголках ее глаз, я готов поставить на то, что она сжимает маленький автоматический пистолет с перламутровой рукояткой. Одно из защитных заклятий покусывает меня за запястье, и я понимаю, что вижу перед собой – чары. Я вдруг чувствую что-то вроде тоски по Мо, которая, по крайней мере, родом с моей родной планеты, хоть и имеет привычку играть на скрипке в самое непредсказуемое время.

– Какая неожиданная, но приятная встреча, дорогой! – с некоторым запозданием добавляет Рамона.

– Совершенно неожиданная, – соглашаюсь я и отступаю в сторону, чтобы взять стакан и бутылку.

Сраженный ее улыбкой бармен уже тянется за стаканом для джин-тоника. Я ухмыляюсь в порядке эксперимента. Рамона мне напоминает одну бывшую (ладно, если честно, напоминает Мэйри, признаю и стараюсь не поморщиться), только доведенную до совершенства и в режиме хищницы. Как только я привыкаю к влиянию ее чар, у меня возникает странное чувство, что я ее уже где-то видел.

– Это твоя красная «ауди» стоит на парковке?

Она обрушивает на меня всю мощь своей улыбки:

– А если и так?

Буль-буль... дзинь. Кубики льда падают в стакан.

– Шестнадцать евро, приятель.

– Запишите на мой счет, – механически говорю я и протягиваю ему ключ-карту от номера. – Если твоя, то ты меня чуть в кювет не сшибла на трассе А45.

– Чуть не... – Она смотрит сначала озадаченно, затем орошенно. – Это что, ты ехал в этом хрустике?!

– Если бы контора заплатила за «ауди», я бы тоже гнал с ветерком. – Видя ее замешательство, я чувствую легкое злорадство. – За кого ты меня принимаешь? И кто ты такая? Что тебе нужно?

Бармен уплывает на другой конец стойки, продолжая бла-

женно улыбаться. Я моргаю, чтобы отогнать тревожные проблиски искажений, которые возникают в поле зрения, когда я смотрю на нее.

Чары как минимум третьего уровня, говорю я себе и невольно ежусь. Моим магическим контрмерам не хватает силы, чтобы пробиться через них и показать мне, как она выглядит на самом деле, но, по крайней мере, я знаю, что мне морочат голову.

– Я Рамона Рандом. Можешь звать меня Рамоной.

Она пригубливает джин-тоник, а потом обеспокоенно смотрит на меня сверху вниз: так аристократ-элой разглядывал бы неуклюжего полуслеплого морлока, который каким-то образом выбрался на поверхность. Я на пробу отхлебываю пива и жду продолжения.

– Хочешь меня трахнуть?

Пиво идет через нос.

– Шутишь?! – Это все же вежливей, чем «я скорее займусь любовью с королевской коброй», и не так жалко, как «моя девушка меня закопает», но стоит мне это сказать – и я тут же понимаю, что это правильная, интуитивная реакция. – Что там под чарами? Наверняка ничего такого, что стоит тащить в постель.

– Это хорошо, – говорит Рамона и кивает, локон светлых волос на миг закрывает лицо. К моему вящему облегчению тема закрыта. – Все парни, с которыми я спала, умирали меньше чем за двадцать четыре часа. – Кажется, я изменился

в лице, потому что она оправдывается: – Это совпадение! Я их не убивала. Ну, по большей части.

Я понимаю, что пытаюсь спрятаться за стаканом с пивом, и заставляю себя выпрямиться.

– Приятно слышать, – ответ выходит несколько поспешным.

– Я просто спросила, потому что нам предстоит работать вместе. И было бы очень печально, если бы ты со мной переспал и умер, потому что это нам не годится.

– Правда? Как интересно. И чем, по-твоему, я занимаюсь?

Рамона ставит стакан на стойку и вынимает руку из сумочки. И опять дежавю: вместо пистолета она держит трехлетний «Palm Pilot». Техника старая, и я даже немного задираю нос, узнав, что хотя бы в одном важном плане у меня перед ней преимущество. Она откидывает щиток и смотрит на экран.

– Я думаю, ты работаешь на Столичную прачечную, – спокойно заявляет она. – Номинально ты старший офицер в отделе внутренней логистики. Тебе поручено представлять свой отдел на разных совместных комитетах и заниматься закупками в сфере ИТ. Но на самом деле ты работаешь на Энглтона, верно? Значит, они в тебе увидели что-то, чего я... – она скептическим взглядом окидывает мою потертую футболку, джинсы и разгрузку с гиковскими прибрлудами, – ... не вижу.

Я надеюсь, что сдулся не слишком заметно. В общем, яс-

но: она в игре. Так даже легче – хотя это еще вопрос спорный. Я глотаю пива (на этот раз успешно).

– Может, скажешь тогда, кто ты такая?

– Уже сказала. Я Рамона, и я не собираюсь с тобой спать.

– Хорошо, Рамона-и-я-не-собираюсь-с-тобой-спать. Кто ты? Ты вообще человек? Я ничего не вижу за твоими чарами, и это меня нервирует.

Меня сверлят сапфировые глаза.

– Гадай дальше, обезьяныш.

Господи боже...

– Ладно, на кого ты работаешь?

– На Черную комнату. И я всегда работаю в этих чарах. У нас дресс-код, знаешь ли.

На Черную комнату? В животе у меня холодеет: я один раз пересекался с этими ребятами на заре своей карьеры, и все, что я узнал о них в дальнейшем, подсказывает, что мне очень повезло остаться в живых.

– Кого ты собираешься тут убить?

Она корчит недовольную гримасу:

– Я должна с тобой работать. Никого убивать здесь мне не поручали.

Мы снова ходим кругами.

– Ладно. Ты собираешься со мной работать, но не будешь со мной спать, чтобы я не умер от проклятья мумии и так далее. Ты приделась так, чтобы захомутать какого-то бедо-

лагу, но не меня, и тебе известно, кто я такой. Может, пора перестать морочить мне голову и объяснить наконец, что ты здесь делаешь, почему нервничаешь и что происходит?

– Ты что, правда не знаешь? – слегка ошалело спрашивает она. – Мне сказали, что ты получил инструктаж.

– Инструктаж? – теперь ошалел уже я. – Ты шутишь? Я приехал на собрание комитета, а не на ролевую игру.

– Так! – На миг она кажется озадаченной. – Ты приехал на очередное заседание совместного комитета по космологическим вторжениям, правильно?

Я едва заметно киваю. Ревизоры обычно не спрашивают, чего ты не говорил, их интересует, что именно ты сказал и кому.²

– О тебе мне ничего не говорили.

– Ясно, – задумчиво кивает Рамона и слегка расслабляется. – Похоже на обычную служебную лажу. Как я уже говорила, мне сказали, что мы будем работать вместе – совместная операция, начиная с этой встречи. Кстати, об этом заседании: у меня аккредитация.

– То есть... – Прикусываю язык, пытаюсь вообразить ее в комнате для совещаний над шестидесятистраничной повесткой дня. – В каком качестве?

– В качестве наблюдателя. Завтра покажу свою печать, – добавляет она. (И на этом точка. Печати выдаются тем из

² Особенно нежелательно выбалтывать государственные тайны сногшибательным иностранным шпионкам, особенно если до конца неизвестно, люди ли они.

нас, кого назначают в совместный комитет.) – А ты мне покажешь свою. Наверняка тебя проинструктируют за это время – потом нам будет о чем поговорить.

– А что за... – сглатываю, – ...что за работа нас ждет?

Она улыбается:

– Баккара.

Она допивает джин-тоник и, прошелестев платьем, встает.

– До встречи, Роберт. До вечера...

Я беру еще одно пиво, чтобы успокоить нервы, и устраиваюсь на плотоядном кожаном диване в дальнем углу бара. Когда бармен отворачивается, я вытаскиваю свой «Трео», запускаю специальную программу и набираю номер в Лондоне. Четыре гудка, затем отвечает мужской голос:

– Босс? У меня тут головняк. Явилась какая-то Рамона, работает на Черную комнату. Утверждает, что мы должны работать вместе. Что вообще происходит? Мне нужно знать.

Я кладу трубку, не дожидаясь реакции. Энглтон придет примерно в шесть часов по лондонскому времени, тогда я все и узнаю. Я вздыхаю, чем навлекая на себя грязные взгляды от парочки разряженных авантюристов за соседним столиком. Думаю, им кажется, что я роняю уровень заведения. Меня охватывает чувство острого одиночества. Что я вообще здесь делаю?

Очевидный ответ: я приехал по делам Прачечной. Кто бы

ни позвонил в дверь или по официальному телефону, попадет в Столичную прачечную, хоть мы и не работаем в старой штаб-квартире над китайской прачечной в Сохо с окончания Второй мировой. У Прачечной долгая память. Я работаю здесь, потому что мне предложили выбор: работать на Прачечную или... или вообще нигде не работать. Никогда. И теперь, рассуждая трезво, я не могу их винить. Есть такие люди, которых не стоит оставлять снаружи, а то напишут внутрь, а когда мне было двадцать, я был наивный и самоуверенный, и оставлять меня без присмотра было так же безопасно, как полтонны гелигнита. Теперь я обученный компьютерный демонолог, оккультист того рода, что и вправду может вызывать духов из бездонных глубин: ну или, по крайней мере, из тех уголков местного пространства Калаби-Яу, где они воют и шепчут, собранные в бране. Теперь я приношу гораздо меньше проблем – или, во всяком случае, знаю, какие нужны меры предосторожности. Теперь я как бункер, набитый умными бомбами.

Большая часть работы в Прачечной заключается в занудном заполнении формуляров и производстве должностных бумаг. Примерно три года назад мне стало невыносимо скучно, и я попросился на действительную службу. Это была ошибка, о которой я горько жалею до сих пор, потому что это подразумевает всякие неприятности: например, тебя поднимут в четыре утра из постели, чтобы пересчитать бетонных коров в Милтон-Кинс, и это совсем не так весело, как можно

подумать – особенно когда дело доходит до того, что в тебя стреляют, а потом приходится заполнять еще более запутанные бланки и отчитываться перед Ревизионной комиссией. (А о ней лучше вообще молчать.) С другой стороны, если бы я не пошел на действительную службу, я бы не познакомился с Мо, с доктором Доминикой О’Брайен, – она, правда, ненавидит, когда ее называют Доминикой, – а я уже и вообразить не могу, какой была бы моя жизнь без нее.

По крайней мере, в принципе без нее. В последнее время она месяцами пропадает на разных учебных курсах – секретных, – о которых не может мне рассказывать. Сейчас она уже пятую неделю сидит в Данвиче, а за две недели до этого мне нужно было уезжать на очередной международный комитет, так что, по правде сказать, я соскучился. Я сказал об этом Пинки в пабе на прошлой неделе, а он фыркнул и заявил, мол, я веду себя так, будто уже женился. Наверное, он прав: я не привык к тому, что в моей жизни есть кто-то чудесный и не сумасшедший, и, кажется, я привязчивый. Может, нужно поговорить об этом с Мо, но это вопрос тонкий, и мне не хочется его поднимать: предыдущий ее брак счастливым не назовешь.

Я как раз добрался до половины стакана и мыслей о Мо (если она не занята, мы могли бы поболтать), когда у меня звонит телефон. Смотрю на экран и холодею – это Энглтон. Я вызываю конус тишины и подношу трубку к уху:

– Боб слушает.

– Боб, – ледяной голос Энглтона похож на шелест бумаги, а сжатие данных и туннель безопасности на линии добавляют ему эхо. – Я получил твоё сообщение. Опиши мне эту «Рамону».

– Не могу. Она носит чары, по меньшей мере, третьего уровня – я чуть не окосел. Но она знает, кто я и зачем приехал.

– Понятно. Примерно этого я и ожидал. Теперь ты должен сделать следующее, – говорит Энглтон и делает паузу, а я облизываю внезапно пересохшие губы: – Ты должен допить пиво и подняться в свой номер. Внутрь не входи, пройди дальше по коридору к двери со следующим номером по той же стороне. Там уже должна расположиться твоя группа поддержки. Они продолжают инструктаж, когда ты окажешься в безопасном помещении. Пока что в свой номер не входи. Это понятно?

– Вроде да, – киваю. – Ко мне подкралось внезапное задание, так?

– Да, – говорит Энглтон и без экивоков вешает трубку.

Я отставляю пиво, а потом встаю и смотрю по сторонам. Я-то думал, что приехал на самое обычное заседание совместного комитета, но вдруг оказался среди зыбучих песков, возможно, на вражеской территории. Пожилые свингеры смотрят на меня без особого интереса, но мои заклятья не дрожат: я вижу их такими, какие они есть. Хорошо. Сразу ло-

жись в постель, не ужинай, не забирай... качаю головой и ухожу.

Чтобы добраться до лифта из бара, нужно пересечь укрытую огромным ковром площадку, на которую открывается отличный вид с балконов двух этажей: в обычной ситуации я бы этого даже не заметил, но после сюрприза от Энглтона у меня по коже бегут мурашки, так что, переходя открытое пространство, я судорожно сжимаю наладонник и браслет с оберегом. Народу в холле немного, если не считать очереди усталых туристов у стойки администратора, и я оказываюсь у лифта, не почувствовав запаха фиалок или того щекочущего ощущения, которое обычно предшествует смертоносному заклятью. Нажимаю кнопку «вверх», и дверь лифта тут же открывается.

Есть такая теория, что все отельные сети участвуют в заговоре, призванном убедить путешественника в том, что на планете существует всего один отель, точно такой же, как в твоём родном городе. Я лично в это не верю: куда правдоподобней считать, что я никуда не ездил, а меня похитили инопланетяне, накачали наркотиками, внушили ложные воспоминания об унижениях на таможне и дорожной скуке, а потом упаковали на отдых в очень дорогую комнату с мягкими стенами. Заодно это объясняет и то чувство дезориентации и головокружения, которое я испытываю в этих дворцах; к тому же легче поверить в злокозненных инопланетян, чем в то, что живые люди готовы так жить.

И лифты – фундаментальная часть сценария инопланетного похищения. Я считаю, что пол под мрамор и зеркальный потолок специально так устроены, чтобы внушить гипнотическое чувство безопасности похищенному, поэтому я щипаю себя, чтобы оставаться начеку. Лифт едва начинает ускоряться при подъеме, как мой телефон начинает вибрировать. Я смотрю на экран, читаю сообщение и падаю на пол.

Лифт скрипит и поднимается на шестой этаж. Узел у меня в животе слабеет: подъем замедляется! Детектор энтропии, встроенный в антенну моего мобильного, выбросил на экран кроваво-красную иконку тревоги. Наверху творится что-то очень серьезное, и чем ближе я поднимаюсь к своему этажу, тем сильнее эффект. «Черт-черт-черт», – шепчу я, вызывая базовый защитный экран. Я безоружен: я же вроде бы приехал на дружественную территорию, а то, что творится на одном из верхних этажей отеля «Рамада»... Я невольно вспоминаю другой отель, в Амстердаме, и вой ветра, летящего в пустоту через портал на месте стены... Дзынь. Двери открываются, и в этот миг я понимаю, что нужно было броситься к панели управления и нажать кнопку аварийной остановки. «Вот дерьмо», – добавляю я (впрочем, ничего нового), как вдруг мигающая красным стрелка на экране телефона бежит против часовой стрелки и замирает на зеленом поле: безопасной зелени, нормальной зелени, зеленому знаку того, что чертовщина закончилась.

– Zum Teufel!³

Я, как дурак, смотрю на пару ног, закованных в кожаные треккинговые ботинки (кажется, пуленепробиваемые), потом выше – на пару вельветовых брюк и бежевый пиджак пожилого немецкого туриста.

– Пытаюсь покрытие поймать, – бормочу я, выползая на четвереньках из лифта и чувствуя себя неимоверно глупо.

Я на цыпочках крадусь по коридору к своему номеру, ломая голову в поисках правдоподобного объяснения произошедшему: ситуация воняет, как лежалая треска. Что происходит? Рамона, кем бы она ни была... бьюсь об заклад, она в этом замешана. А скачок энтропии был огромный. Но сейчас все вернулось в норму. Кому-то открыли врата? Или это проксимальное заклятье?

Застыв у двери, несколько секунд держу руку над ручкой.

Она холодная. Не просто холодная, как металл, а ледяная, как жидкий азот.

– Ой-ой, – тихонько говорю я и иду дальше по коридору к следующей двери.

Затем достаю телефон и набираю Энглтона.

– Боб, рапорт.

Я облизываю губы:

– Я еще жив. Пока я ехал в лифте, третичный детектор приближения вылетел в красное, но потом упал в норму. Я подошел к своему номеру, и температуру дверной ручки

³ Вот черт! (Нем.) – Прим. пер.

можно выписать одной цифрой по Кельвину. Сейчас стою у двери соседнего номера. Я считаю, это ЧС, и, если вы мне не скажете, что все не так, я объявляю код синий.

– Тебе здесь предстоит иметь дело не с синим, – сухо усмехается Энглтон, чего я в общем-то от него и ждал. – Но запомни, что твой код активации 007. На случай, если потом понадобится.

– Что?! – я ошалело пялюсь на телефон, а потом набираю цифры с клавиатуры. – Господи боже, Энглтон, однажды мне придется вам рассказать о том, чем безопасные пароли отличаются от слабых. По идее у меня не должно быть возможности взломать свою блокировку и начать палить во все стороны...

– Но ты ведь этого и не сделал, верно? – с еще большим весельем говорит он; мой телефон дважды пищит, а потом щелкает. – Когда дерьмо попадет в вентилятор, у тебя может не быть времени на запрос. Поэтому все просто. А теперь докладывай обстановку.

– Включаюсь.

Я судорожно нажимаю несколько кнопок, и невидимые бабочки порхают вверх-вниз по моему хребту; когда они исчезают, коридор кажется темнее и опаснее.

– Половина есть. Терминал активирован.

Копаюсь в кармане, достаю маленькую веб-камеру и вставляю ее в слот расширения на телефоне. Теперь у моего телефона две камеры.

– Так, загружен ВЗГЛЯД СКОРПИОНА. Я вооружен. Чего мне ждать?

Из дверного замка раздается жужжание, и на двери вспыхивает зеленая лампочка.

– Надеюсь, пока ничего, но... открывай двери и входи. На месте тебя должны ждать группа поддержки и дальнейшие инструкции, если только что-то не пошло не так за последние пять минут.

– Господи боже, Энглтон.

– Рад, что ты знаешь, как меня зовут. И не божись: у стен есть уши.

Ему по-прежнему весело – вот ведь всеведущий ублюдок. Не знаю, как ему это удастся – у меня нет нужного уровня допуска, – но мне всегда кажется, будто он заглядывает мне через плечо.

– Входи. Это приказ.

Я набираю полную грудь воздуха, беру телефон наизготовку и открываю дверь.

– Дарова, Боб!

Пинки склонился над потертым чемоданчиком с инструментами, его пальцы бегают по компактной клавиатуре. Из одежды на нем только очаровательный батиковый саронг, он отпустил длинные подкрученные усы, но я все равно не намерен дать ему понять, насколько это все меня тревожит и насколько я рад его видеть.

– А где Брейн? – спрашиваю я, закрывая за собой дверь,

и медленно выдыхаю.

– В шкафу. Не волнуйся, он скоро выйдет, – Пинки указывает пальцем на дверцы стенного шкафа на стене, смежной с моим номером. – Нас прислал Энглтон. Сказал, что тебе нужен инструктаж.

– Я что, единственный, кто не знает, что происходит?

– Наверное, – ухмыляется он. – Не волнуйся, старик. – Он косится на мой «Трео». – Только не направляй на меня, ладно?

– Ой, прости.

Я поспешно опускаю телефон и вынимаю вторую камеру, которая превращает его в терминал для ВЗГЛЯДА СКОРПИОНА, устройство-василиск, способное взрывать органику в зоне видимости, убеждая ядра углерода в том, что они кремниевые.

– Так ты мне расскажешь, что происходит?

– Само собой, – беспечно кивает Пинки. – Тебе нужно устроить фатумную запутанность с новой напарницей, а мы должны проследить, чтобы она тебя не убила и не съела до окончания ритуала.

– Устроить что?!

Я опять взвизгнул. Ненавижу это.

– Она из Черной комнаты. Вам предстоит вместе взяться за какое-то большое дело. Поэтому старик хочет, чтобы ты мог взять от нее лучшие качества, когда тебе потребуется помощь.

– Что значит «взять от нее лучшие качества»? Я что, в ученики к ней попал?

У меня ужасное чувство, что я понимаю, о чем говорит Пинки, и мне это совершенно не нравится. Но зато теперь ясно, почему Энглтон назначил мне в поддержку Пинки и Брейна. Они мои старые соседи, и этот ублюдок думает, что мне так будет легче.

Открывается дверь шкафа, и изнутри выходит Брейн. В отличие от Пинки, он одет прилично. Точнее, прилично по меркам БДСМ-клуба.

– Не переживай, Боб, – говорит он и подмигивает. – Я просто сверлил дырки в стене.

– Дырки?..

– Чтобы за ней следить. Она заперта в пентакле на ковре в твоей спальне. Так что не бойся, она не вырвется и не украдет твою душу, прежде чем мы закончим контур. Не шевелись, а то не сработает.

– Кто? В каком пентакле в моей спальне? – Я отступаю к двери, но Брейн подходит ко мне со стерильной иглой.

– Твоя новая напарница. Протяни руку, больно не будет...

– Ой!

Я отпрыгиваю назад, бьюсь о стену, и Брейн умудряется добыть из меня каплю крови, пока я морщусь.

– Отлично, это нам поможет связать судьбы. Знаешь, как тебе повезло? Ну, то есть, наверное, повезло... если тебе такое нравится...

– Да кто она такая, черт побери?

– Твоя новая напарница? Подменыш, которого прислали из Черной комнаты. Зовут Рамоной. И она роскошная, если это для тебя имеет значение.

И Брейн даже ухмыляется, ах, как снисходительно к моей унылой гетеросексуальности.

– Но я же не...

В туалете спускают воду, и в комнате появляется Борис. Вот тут-то я понимаю, что я по уши в дерьме, потому что Борис не мой обычный непосредственный начальник: Борис – это тот парень, которого присылают, когда все летит в тар-тарары и нужно все почистить – любыми доступными средствами.

Борис ведет себя как дешевый актер второго плана в шпионском фильме про Холодную войну – вплоть до деланого акцента и бритой головы, – хотя на самом деле он такой же англичанин, как я. Ошибки в речи у него после инсульта, вызванного неудачным заклатьем в полевых условиях.

– Боб, – говорит он без улыбки. – Добро пожаловать в Дармштадт. Ты приехал на заседание совместного комитета. Завтра идешь на заседание по плану, но с этого момента получаешь доступ уровня АЗОРА СИНИЙ АИД. Я провожу инструктаж, представляю тебе группу поддержки и контролирую связь с твоей... твоей спутницей. Чтобы тебя не съели.

– Съели? – уточняю я.

Кажется, я выгляжу немного взвинченным, потому что Борис даже невероятным образом смягчается.

– А в чем суть работы? Я же не вызывался на полевое задание...

– Тебе знать нельзя. Нам очень жаль, что пришлось на тебя это повесить, – говорит Борис и проводит ладонью по лысому черепу, чем выдает ложь с головой. – Но на театральщину нет времени. – Он смотрит на Брейна, и тот кивает. – Сперва инструктаж, потом закончим протокол спутывания с сущностью в соседнем номере. Потом... – Он смотрит на часы. – ...сам решай, но ориентировочно у тебя всего семь дней на то, чтобы спасти западную цивилизацию.

– Что?

На какой-то миг я сомневаюсь в том, что верю своим ушам. Борис мрачно смотрит на меня, затем кивает:

– Если бы я решал, я бы на тебя не полагался. Но времени нет и выбора тоже.

– Господи боже, – говорю я и плюхаюсь на единственный свободный стул. – Мне это не понравится, верно?

– Совсем. Пинки, вставляй DVD. Пора расширить Роберту горизонты...

2: Улетая в Данвич

Река времени никого не ждет, но иногда сильный стресс заставляет ее обмелеть. Забрось наживку на четыре недели назад и увидишь, что поймашь, подсекая воспоминания месячной давности...

Позднее утро февральской субботы, мы с Мо допиваем оставшийся от завтрака кофе и обсуждаем отпуск. Точнее, это она обсуждает отпуск, а я уткнулся носом в большую толстую книгу – освежаю классику. По правде говоря, каждое ее слово мешает мне сосредоточиться, так что я ее еле слышу. К тому же мне не очень нравится мысль тратить кровные сбережения на две недели в жаре и без включенного питания. Мы вообще-то экономим, чтобы внести залог за дом.

– А если на Крит? – спрашивает она, сидя за кухонным столом и аккуратно обводя красным трехдюймовый столбец в газете.

– А ты не сгоришь?

У Мо типичная для рыжих светлая кожа и веснушки.

– У нас, в цивилизованном мире, есть такая высокая технология, называется «крем от загара». Ты мог слышать о нем легенды, – хмурится Мо. – Ты меня не слушаешь, да?

Я вздыхаю и откладываю книгу. Черт, ну почему сейчас? Я ведь только добрался до того места, где Таненбаум мастер-

ски разделяется с набором протоколов OSI.

– Виновен, ваша честь.

– И почему же? – спрашивает она, наклоняется вперед, скрестив руки, и сверлит меня взглядом.

– Книжка хорошая, – признаюсь я.

– Ах, тогда совсем другое дело, – фыркает она. – Ее ты можешь с собой и на пляж взять, а вот локти начнешь кушать, если мы слишком долго будем тянуть резину: все дешёвые путевки разберут, и нам придется выбирать из остатков «Клуба 18-30» и платить втридорога – или кого-то из нас опять отправят в командировку, потому что мы вовремя не уведомили отдел кадров про свои планы на отпуск. Великолепно.

– Прости. Я просто сейчас не очень горю этой идеей.

– Да, и рождественский кредит по карте я тоже уже оплатила. Просто пойми: к маю нам обоим будет нужен отпуск, а если бронировать поздно, выходит вдвое дороже.

Я смотрю в глаза Мо и понимаю, что она не оставила мне ни единого шанса. Она старше меня – по крайней мере на несколько лет – и намного ответственнее (и что она во мне нашла...). В общем, если и есть у жизни с ней недостаток, то он заключается в том, что она меня строит.

– Но... Крит...

– Крит, остров. Колыбель Минойской цивилизации, которая погибла, вероятно, из-за резкого климатического изменения или извержения вулкана на Тире-Санторини. Мно-

жество великолепных фресок, развалины дворца, чудесные пляжи и умопомрачительная мусака. И жареные осьминоги: да, я помню, что ты не любишь еду со щупальцами. Если мы туда приедем в конце мая, успеем до начала сезона. Я считаю, нужно забронировать несколько экскурсий – я читаю сейчас о тамошней археологии – и отдельные апартаменты с кухней, где мы сможем провести две спокойных недели и понежиться на солнце, прежде чем термометр пробьет цифру тридцать и остров превратится в сковородку... Как тебе такой план? А я буду играть на скрипке, пока ты будешь валяться на пляже.

– Хороший план... – Я замолкаю. – Постой, а что там с археологией?

– Джудит недавно направила меня изучать историю прибрежных цивилизаций, – отвечает Мо. – Я подумала, что неплохо бы своими глазами их увидеть.

Джудит – заместитель начальника департамента морских дел на работе. Она примерно половину года проводит в учебном центре в Данвиче, а вторую – на озере Лох-Несс.

– Ага. – Я нахожу салфетку и превращаю ее в закладку. – Значит, на самом деле это по работе.

– Нет, что ты!

Мо закрывает газету, а затем поднимает ее и начинает аккуратно складывать страницы. Она не остановится, пока не приведет их в такой вид, что хоть второй раз продавай: это у нее нервное.

– Мне просто любопытно. Я столько читала о минойцах и прецедентной практике договоров между людьми и глубокоководными, что мне уже стало интересно. К тому же в последний раз я была в Греции примерно двадцать лет назад, на школьной экскурсии. Пора туда вернуться: думаю, там можно хорошо отдохнуть. Солнце, секс и осьминоги, приправленные археологией.

Я понимаю, что побежден, но я не настолько дурак: пора сменить тему.

– А что за работу на тебя спустила Джудит? – спрашиваю я. – Не думал, что ей может потребоваться твой подход в... хм, да в чем бы то ни было.

В детали лучше не вдаваться: дом, в котором мы живем, частично оплачивает для своих сотрудников Прачечная – иначе мы бы никогда не смогли прожить в центре Лондона на две зарплаты госслужащих. Минус такого положения в том, что, если мы начинаем обсуждать государственные тайны, у стен вырастают уши.

– У Джудит возникли проблемы, о которых тебя не информировали. – Мо поднимает свою чашку, заглядывает в нее и корчит гримасу. – Я начинаю о них узнавать, и они мне не нравятся.

– И ты?..

– Я на следующей неделе уеду в Данвич, – вдруг говорит она. – И какое-то время пробуду там.

– Чего?!

Я, кажется, отвесил челюсть, потому что она ставит чашку на стол, поднимается и протягивает ко мне руки:

– Ох, Боб!

Я тоже встаю. Мы обнимаемся.

– Что происходит?

– Учебный курс, – сухо говорит она.

– Опять учебный курс? Они что, хотят, чтобы ты вторую диссертацию защитила на кафедре шпионажа и разведки? – спрашиваю я.

Сам я в Данвиче прошел только один учебный курс, посвященный полевой работе. В Данвиче Прачечная хранит многие из своих секретов – за отведенными дорогами и колючим кустарником, в деревеньке, которую полностью эвакуировало военное министерство еще в сороковые, но гражданское население так и не вернулось. В отличие от Рима, в Данвич не ведет ни одна дорога: чтобы попасть туда, нужен GPS-навигатор, внедорожник и особый талисман.

– Вроде того. Энглтон попросил меня взять на себя кое-что дополнительно, но я пока не могу об этом говорить. Скажем так, это по меньшей мере ничуть не хуже, чем малоизвестные направления теории музыки, с которыми я работала раньше. – Мо прижимается ко мне и крепко обнимает. – Слушай, никто не будет возмущаться, что я тебе сказала, что уезжаю, так что... спроси Джудит, ладно? Если правда считаешь, что тебе нужно знать. Это временно. У меня будет мобильник и скрипка, и мы сможем говорить по вечерам. А

на выходные я буду стараться выбираться домой.

– На «выходные»? Да сколько же продлится этот курс? – мне стало любопытно и немного обидно. – Когда тебе о нем сказали?

– Конкретно об этом – вчера. И я не знаю, сколько он занимает: Джудит говорит, что он проводится нерегулярно, все зависит от особых специалистов. Минимум четыре недели, может, больше.

– Специалистов. А у этих специалистов, наверное, бледная кожа? И жабры?

– Да. Именно. – Она расслабляется и отступает на шаг. – Ты их видел.

– Вроде того, – я ежусь.

– Мне это не очень нравится. Я говорила, что меня нужно заранее предупреждать. По крайней мере, о таких вот внезапных учебных курсах.

Кажется, пора сменить тему.

– Крит. Стало быть, к этому времени ты уже вырвешься с этого курса?

– Да, наверняка, – кивает Мо. – Поэтому хочу от этого всего уехать. С тобой.

– Так вот в чем дело. Джудит хочет забросить тебя головой вниз в Данвич на три месяца, и тебе потом нужно будет где-то от всего этого отойти.

– В общем, да.

– Вот дерьмо, – я снова беру в руки книгу, а потом свою

чашку. – Кофе остыл.

– Я новый заварю.

Мо забирает кофейник в мойку и начинает его мыть.

– Иногда я ненавижу эту работу, – начинает напевать она, – а работа ненавидит ме-ня-а-а-а...

Эта работа называется математика. Или, точнее, метаматематика.

Или оккультная физика. И Мо не попала бы на эту работу, если бы не познакомилась со мной (с другой стороны, если бы она не познакомилась со мной, она бы погибла, так что будем считать, что тут счет мы сравнивали, и едем дальше).

В общем, если я просто приду и скажу, что магия существует, вы меня, наверное, за психа примете. Но это будет ошибкой. И поскольку мой работодатель со мной согласен, а мой работодатель – правительство, голосов у вас будет меньше⁴. Мы упорно пытались это скрывать. Наши предшественники изо всех сил вымарывали магию из учебников истории и общественного сознания – проекты массового наблюдения тридцатых были не просто социологическими исследованиями, какими они подавались обществу, и с тех самых пор мы делаем все возможное, чтобы удерживать на кипящей кастрюле оккультизма герметическую крышку государственной тайны. Так что если вы решили, что я псих, то это частично плод моих собственных трудов.

⁴ А пушек – и того меньше.

Моих – и организации, на которую я работаю (мы называем ее Прачечной), а также аналогичных организаций в других странах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.